

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ О КНИГЕ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ В XVII–XVIII ВЕКАХ

НАТАЛИЯ ЛЕЛИКОВА

Российская национальная библиотека
Отдел библиографии и краеведения
Садовая ул. 18, Санкт-Петербург, Россия
E-mail: lelikova@nlr.ru

В статье рассматриваются методологические принципы изучения истории науки о книге и делается вывод о предпочтении «исторического подхода», позволяющего объективно и исторически последовательно реконструировать все этапы ее развития. На основе этого подхода, отталкиваясь от книговедческой системы Г. Пеньо, автор прослеживает основные тенденции развития науки о книге в Западной Европе, начиная с XVI в. Анализируя труды ученых-книжников XVII—XVIII вв., приходит к выводу, что концепция Пеньо была синтезом предшествующего знания, а ее создатель мог использовать готовые научные комплексы, уже сформировавшиеся к тому времени.

Ключевые слова: наука о книге, система библиологии, Г. Пеньо, формирование научных комплексов знания.

Изучение истории развития любой науки, в том числе науки о книге, зависит от той методологии, которую мы используем. Цель данной статьи — используя традиционные методологические подходы, принятые в исторических исследованиях, проследить пути формирования науки о книге на ранних этапах ее становления.

В России в XIX в. историческими исследованиями в области книжных дисциплин занимались в основном филологи и историки, так как ни специального библиотечного, ни книговедческого образования не существовало. Соответственно эти ученые применяли методологию истори-

ческих исследований, принятую в своих науках, поэтому в то время наука о книге формировалась в едином русле гуманитарных исследований. Следует отметить, что и историография исследований библиографических, библиотековедческих, по истории книги, а позже – и по книговедению была весьма обширной и разнообразной; многие периодические издания – не только книговедческие или библиографические, но и универсальные, и исторические печатали на своих страницах работы этой проблематики. Многие факты, на которые впоследствии опирались и до сих пор опираются исследователи-книговеды,

были введены в научный оборот именно в дореволюционный период.

Появление специального образования в 1920–1930 гг., а точнее – появление специальных учебных заведений, в которых стали готовить библиотекарей, библиографов, специалистов в области книжного дела, наряду со многими положительными факторами привело к тому, что методологические принципы таких наук, как история, филология, философия, стали восприниматься не как органичные, а как нечто, привнесённое извне.

Видимо, в этом, отчасти, заключаются и многочисленные методологические проблемы исторических исследований в современном российском книговедении и библиографоведении. В 2007 г. в сборнике «Книга. Исследования и материалы» была опубликована наша дискуссия с одним из ведущих в России библиографоведов — Э. К. Беспаловой [14; 15]; в этой дискуссии были затронуты вопросы методологии исторических исследований в науке о книге. Очевидно, что существуют, по меньшей мере, два основных подхода. Первый: исследователь-историк берет объект в его развитии современном состоянии и, как бы опрокидывая в прошлое, прослеживает его проблематику в ретроспективе. Это наиболее распространенный подход, и, разумеется, он вполне правомерен, так как любой исследователь вправе проследить исторический путь формирования и развития своего объекта. Правда, здесь исследователя подстерегают вполне определенные опасности:

весьма сложно в этом случае исторически объективно реконструировать эпоху, в которую происходило становление и развитие науки, поскольку, во-первых, могут быть утрачены, не выявлены некоторые аспекты ее развития и ее связи (в первую очередь это касается тупиковых путей развития науки, которые не проявились в современности); при подобном подходе исследователь может о них и не подозревать, а между тем их отсутствие нарушит целостную, объективную картину. Во-вторых, зачастую происходит осовременивание некоторых тенденций и явлений прошлого. Так, например, Б. А. Семеновкер в книге «Библиографические памятники Византии», рассматривая древнегреческие «Дидаскалии» в комбинации с «Победами на Дионисиях» в качестве первых библиографических указателей, апеллирует к положениям ГОСТа 7.0-84 «Библиографическая деятельность. Термины и определения» [18]. Возникает неизбежный вопрос: насколько уместна трактовка исторических явлений Древнего мира в соответствии с ГОСТ'ами, созданными в России в XX веке?

Второй подход, в отличие от первого, чисто исторический, когда исследователь, установив интересующий его исторический факт, дает его интерпретацию, затем последовательно и добросовестно, исторически прослеживая его эволюцию, производит обобщение, а затем и выявление тенденции. Такой подход, если это изучение науки, позволит показать, как происходило ее развитие в разные пери-

оды, воссоздать исторические этапы во всем их своеобразии, объяснить механизм формирования тех или иных научных идей и концепций, очертить круг проблем, изучаемых данной наукой, показать способы приумножения научного знания или, наоборот, его дифференциации и т. д. Правда, и здесь есть опасность: такому исследователю иногда бывает трудно четко определить объект своего исследования, так как этот объект претерпевает постоянную эволюцию в течение длительного исторического периода. И вот здесь могут помочь только исторические источники.

Несомненно, одним из таких, важных для историка науки о книге, источников является «Толковый словарь по библиологии» («*Dictionnaire raisonné de Bibliologie...*») Габриеля Е. Пенью, вышедший в Париже в 3 томах в 1802–1804 гг. [13]. Божена Коредчук, автор очень интересной и обстоятельной книги о Пенью: «*Początki teorii bibliologii: Dictionnaire raisonné de Bibliologie (1802–1804) Gabriela Etienne’a Peignota: analiza i giesercja*» [6], как это следует из заглавия, называет концепцию Пенью «началом теории библиологии». Это правильно, однако мы прекрасно понимаем, что его концепция не выросла на пустом месте и его труд – это обобщение всего предшествующего опыта развития книжных дисциплин и, конечно, тех идей, которые содержались в трудах предшественников Пенью. Отчасти сведения о них содержатся в труде самого Пенью, в тех словарных статьях, которые посвящены Конраду

Геснеру, Габриэлю Ноде, Гийому Дебюру, Франсуа Нэ де ля Рошелю, Жану Мабильону, Бернарду де Монфокону и т. д.

Система библиологии Пенью включает семь основных дисциплин: языковедение, дипломатика, библиопея (искусство создания или написания книги), типография (в нашем понимании издательское дело и полиграфическое производство), библиополия (по современной терминологии «библиополистика») — наука о книжной торговле), библиография, всеобщая литературная история. Таким образом, даже названия основных дисциплин, из которых, по мнению Пенью, складывалась наука о книге, свидетельствуют о том, что ее состав был значительно шире современного книговедения. Очевидно, что этот набор не случаен, и, чтобы понять, почему он таков, следует обратиться к трудам предшественников Пенью.

Несомненно, для XVI века этапным трудом следует считать «Всеобщую библиотеку...» («*Bibliotheca universalis...*») Конрада Геснера [4]. Это труд чисто библиографический; возникает вопрос, в какой степени правомерно его включение в систему науки о книге? Сегодня мы воспринимаем библиографические труды как некие полезные справочники, призванные оказывать помощь в подборе литературы по интересующей теме, поэтому на первый план выходит прикладной, вспомогательный характер библиографического знания. Однако и во времена Геснера, и позднее библиография воспринималась в другом качестве – как наука историчес-

кого цикла, поэтому и цель, к которой стремился Геснер, – охватить весь комплекс знаний, накопленных человечеством, средствами библиографии отразить и систематизировать культурные достижения цивилизации, отразившиеся в книге. Позднее, когда французские книжники писали о «литературной истории» («*histoire litteraire*»), они имели в виду не историю литературы в ее современном значении, а историю всей совокупности рукописных и печатных книг, созданных человечеством. Следует обратить внимание и на то, что в названии библиографического труда Геснера нет слова «библиография», он назван по традициям того времени «библиотекой...».

Термин «библиография» входит в употребление в XVII в., и А. И. Малейн в 1922 г. опубликовал статью, в которой пытался объяснить, в каком труде впервые появился этот термин и в каком значении он употреблялся [17]. Именно в XVII в. стали появляться труды, в названии которых появлялось слово «библиография»: «*Politische Bibliographie*» («*Bibliographia politica*») Габриэля Нодэ (1633 г.), «*Bibliographie des livres de Paris*» («*Bibliographia Parisiana*») Луи Жакоба (1645 г.), «*Universelle Bibliographie*» («*Bibliographia Gallica universalis*...», 1646 г.) и т. п. Слово «библиография» в то время использовалось как синоним понятий «указатель», «каталог», «список книг», обозначало оно и процесс описания книг. Тогда же, как известно, вошли в употребление терми-

ны «библиология», «библиогнозия», «библиофилия».

Таким образом, в XVII в., с одной стороны, начинает складываться терминосистема науки о книге, а с другой – формируются комплексы научного знания, ее составляющие и получившие затем отражение в системе Пеньо. Так, например, если посмотреть наполнение изданной в России в 1999 г. энциклопедии «Книга», то в ней мы не найдем статей, посвященных Ж. Мабильону, Б. Монфокону или дипломатике в целом (есть, правда, статья «Палеография»). А между тем деятельность так называемых «эрудитов» имела особое значение для развития науки о книге. В XVII в. они группировались вокруг Сен-Жерменского аббатства, где занимались изучением средневековых рукописей. Именно из их среды выдвинулся Жан Мабильон, который в 1681 г. создал труд «О дипломатике в 6 книгах» («*De re diplomatica libri sex*»). В труде Мабильона приводилась характеристика основных разновидностей латинских средневековых грамот, были проанализированы особенности их структуры и стиля, большое внимание уделено хронологии, почеркам, печатям. Таким образом, дипломатика — это наука, определяющая подлинность древних актов и грамот. Как мы помним, в системе Пеньо она занимает второе место и определяется как «наука и искусство знать различные надписи (письмена) и даты грамот».

Хотя в системе Пеньо нет особой дисциплины, которая кумулировала бы биб-

лиотековедческое знание, однако само это знание присутствует в различных структурных частях и его объем является весьма значительным. В этом отношении для нас интересны такие труды, как «Совет по устройству библиотеки...» («*Advis pour dresser une bibliothèque...*») Габриэля Нодэ, изданный в Париже в 1627 г. [10]. Книга Нодэ не является в полной мере руководством по организации библиотеки, как можно судить из ее названия, хотя отчасти и содержит некоторые правила библиотечной работы. Главное в ней – исторические экскурсы в историю библиотек, так как автор считал, что главное для библиотекаря – постичь духовное наследие человечества. Рассуждая о различных каталогизационных системах, Нодэ рассматривал и списки книг, которые по традиции его времени назывались словом «библиотека». Если же проанализировать состав тех трудов, которые вышли позднее книги Нодэ: «Трактат о наилучших публичных и частных библиотеках, существовавших и существующих в мире» («*Traité des plus belles bibliothèques publiques et particulières, qui ont esté et qui sont à présente dans le monde*») Луи Жакоба (1644) [5], «Трактат о наилучших библиотеках в Европе» («*Traité des plus belles bibliothèques de l'Europe*») Галуа (1680) [8], «Рассуждение о библиотеках...» («*Dissertation sur les bibliothèques...*») Ж. Дюрея де Нуанвилля (1758) [3], то эти труды, и особенно два последних, важны тем, что в них уже представлена определенная система знаний. Так, в книге Галуа

последовательно приводятся следующие сведения: книги и библиотеки у древних евреев; первые книги и библиотеки у халдеев, египтян, финикийцев и арабов; первые книги и библиотеки у греков, римлян; библиотеки у христиан в первые века христианства, библиотеки у христиан в века варварства (т. е. в средние века); он пишет в целом о библиотеках, существовавших в средние века; библиотеках в Италии, Испании, Германии, Англии, Дании и других странах Европы; библиотеках во Франции; библиотеках в странах Востока, затем — об изобретении книгопечатания, о первых печатных книгах и первых печатниках; о некоторых редких, недавно найденных книгах; излагает способы организации библиотек и т. п. Таким образом, и построение материала, и сведения, сообщаемые автором, позволяют утверждать, что его предшественником мог быть Г. Нодэ, однако, как видим, состав книги Галуа значительно шире: он включает и библиотековедческие, и книговедческие сведения.

В XVII в. появляется труд Филиппа Лаббе «Библиотека библиотек...» («*Bibliotheca Bibliothecarum...*») [7], в который включены около 1500 названий каталогов библиотек, перечней, указателей. К. Р. Симон в «Истории иностранной библиографии», характеризуя этот труд, называет его одной из первых «библиографий библиографии» [19], однако при этом отмечает, что автор старается включить в свой указатель, по возможности, все известные ему работы, содержавшие в

заглавии слово «библиотека», в том числе и не являющиеся библиографическими трудами; при этом в нем отсутствуют труды, содержавшие в заглавии слово «библиография».

Если же обратиться к упомянутой книге Дюрея де Нуанвилля, изданной в XVIII в. [3], то в ней уже содержится попытка дать определение понятия «библиотека»: «именем “библиотека” называют многочисленные собрания книг и того, что они содержат, а также людей, способствующих их сохранению...». Так же, как и его предшественники, Дюрей де Нуанвилль приводит сначала сведения о библиотеках в древности, затем – в Западной Европе (наиболее обстоятельно и подробно – во Франции), затем сведения по истории книгопечатания; однако, в отличие от предшественников, он приводит и перечень трудов, содержавших в заглавии слова «библиотека» (среди них: «*Bibliotheca Bibliothecarum Philippi Labbé*» (Paris, 1644), «*Bibliotheca Bibliothecarum Bernardi de Montfaucon*» (Paris, 1739. 2 vol.) или слово «литературная история» (среди них: «*Histoire Littéraire de la France par des Religieux Bénédictins de la Congrégation de Saint Maur*» (Paris, 1733)). Однако здесь также нет трудов, содержавших в заглавии слово «библиография».

Таким образом, анализ трудов XVII в. отчасти позволяет выявить последовательность формирования знания в науке о книге – как объединялись научные комплексы и каким образом происходило умножение этого знания.

Обращаясь к XVIII в., следует в первую очередь обратить внимание на те труды, в которых говорится о библиографии, например, «*Рассуждение о библиографической науке и об обязанностях библиографа*» («*Discours sur la science bibliographique et sur les devoirs du bibliographe*») Ж. Ф. Нэ де ля Рошеля, опубликованный в 10-м томе «*Поучительной библиографии*» Г. Ф. Дебюра [11], или на статьи книговедческого, библиотекведческого и библиографического характера в энциклопедии Дидро и Д'Аламбера («*Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des Sciences, des Arts et des Métiers*». 1751–1780) [1; 2; 9], или на книгу Парена старшего «*Рассуждение о библиографии и о талантах библиотекаря*» («*Essai sur la Bibliographie et sur la talents du Bibliothécaire*», изданную в 1801 г. [12]; ее использовал в своем «*Словаре...*» Пенью.

Конечно, все изложенное выше можно охарактеризовать лишь как грубую схему тенденций формирования науки о книге. Возникает еще много вопросов, и, например, одной из загадок является состав библиографии в концепции Пенью, так как, казалось бы, труды его предшественников, позволяли представить не столь расширительную ее трактовку, более приближающуюся к современности.

В то же время очевидно, что последовательное выявление тенденций формирования науки о книге в Западной Европе, начало которой несомненно прослеживается в XVII в., – весьма актуальная проблема, и, решая ее, можно понять, что концепция Пенью была синтезом пред-

шествующего знания: автору «Словаря...» удалось суммировать все основное, что было достигнуто до него, и не только суммировать, но и произвести необходимые обобщения.

Концепция Пенью в XIX в. оказала влияние на книжников в самых разных странах. Так, если касаться России, то в полной мере она воспринята не была, да и не могла быть воспринята, так как ни уро-

вень научного знания, сформировавшегося в стране к тому времени, ни практика библиотечного, книжного дела и библиографии не позволяла воспринимать подобные, весьма сложные теоретические построения, однако многое у Пенью российскими библиографами и книговедами было воспринято, и, несомненно, его влияние определило на какой-то срок пути развития науки о книге в России [см. 16].

ССЫЛКИ

1. Bibliographe; Bibliomane; Bibliomanie; Bibliothécaire; Bibliothèque. In *Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers...* 1751, т. 2, p. 227–240.

2. Catalogue. In *Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers...* 1751, т. 2, p. 759–763.

3. DUREY DE NOINVILLE, J. B. *Dissertation sur les bibliothèques*. Table alphabétique des dictionnaires. Paris, 1758. 90 p.

4. GESNER, Conrad. *Bibliotheca universalis, sive Catalogus omnium scriptorum locupletissimus, in tribus linguis, Latina, Graeca et Hebraica...* Tiguri, 1545. XVIII, 631 f.

5. JACOB, L. *Traité des plus belles bibliothèques...* Paris, 1644.

6. KOREDCZUK, Bożena. *Początki teorii bibliologii*: Dictionnaire raisonné de Bibliologie (1802–1804) Gabriela Etienne’a Peignota: analiza i recepcja. Wrocław, 2005. 182 s.

7. LABBÉ, Philippus. *Bibliotheca bibliothecarum, preneccessaria omnibus bibliothecariis et quibuscumque librorum amatoribus*. In *Bibliotheca bibliothecarum curis secundis auctior. Accedit Bibliotheca nummaria in duas partes tributa...* Parisiis, 1664, p. 1–216, 315–335.

8. LE GALUA, P. *Traité des plus belles bibliothèques de l’Europe*. Paris, 1680. 210, [28] p.

9. Livre. In *Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers...* 1765, т. 9, p. 601–613.

10. NAUDÉ, Gabriel. *Advis pour dresser une bibliothèque, présenté à Monseigneur le Président du Mesme*. Paris: chez François Targa, 1627. 167 p.

11. NEE DE LA ROCHELLE, J. F. *Discours sur la Science Bibliographique et sur les devoirs du Bibliographe*. In *Bibliographie instructive*. Par G. F. de Bure, le jeune. Paris, 1782, т. 10, p. XI–XXXII.

12. PARENT, l’ainé. *Essai sur la Bibliographie et sur la talents du Bibliothécaire*. Paris, An. IX [1801]. 54 p.

13. PEIGNOT, G. *Dictionnaire raisonné de Bibliologie...* Paris, 1802–1804. 2 т.; Supplément... Paris, 1804.

14. БЕСПАЛОВА, Э. К. Одна, две или три науки? *Книга. Исследования и материалы*, 2007, сб. 86, ч. 1, с. 50–66.

15. ЛЕЛИКОВА, Н. К. Наука о книге в России, или К вопросу о методологии исторических исследований. *Книга. Исследования и материалы*, 2007, сб. 86, ч. 1, с. 67–103.

16. ЛЕЛИКОВА, Н. К. *Становление и развитие книговедческой и библиографической наук в России в XIX–первой трети XX века.* Санкт-Петербург, 2004, с. 80–90.

17. МАЛЕИН, А. И. О термине «библиография». *Библиографические листы Русско-*

го библиологического общества, 1922, лист 1, с. 2–3.

18. СЕМЕНОВКЕР, Б. А. *Библиографические памятники Византии.* Москва, 1995, с. 17.

19. СИМОН, К. Р. *История иностранной библиографии.* Москва, 1963, с. 267–270.

TRENDS OF THE BOOK SCIENCE DEVELOPMENT IN WESTERN EUROPE IN THE 17TH–18TH CENTURIES

NATALIJA LELIKOVA

Abstract

In bibliology, the methodology of historical studies entirely depends on an applied approach. The author adheres to the historical approach that says that a science development is traced with a kind of its historical logic, with all ways of its development, including those that are dead-end. Based on such approach and starting from G. Peignot's concept of bibliology, the

author logically traces trends of bibliology development in Western Europe beginning from the 17th century. The author concludes that by the beginning of the 19th century when Peignot presented his works, in the science there had already been the established corpora of scientific knowledge used by this outstanding French bibliologist.

MOKSLO APIE KNYGĄ RAIDOS TENDENCIJOS XVII–XVIII AMŽIAUS VAKARŲ EUROPOJE

NATALIJA LELIKOVA

Santrauka

Straipsnyje nagrinėjami mokslo apie knygą raidos tyrimo metodologiniai principai. Autorė renka istorinį požiūrį, leidžiantį objektyviai ir istoriškai nuosekliai rekonstruoti visus knygos apie mokslą raidos etapus. Vadovaudamasi šiuo požiūriu ir remdamasi prancūzų bibliologo Gabrielio Etienne'o Peignot (1767–1849) pasiūlyta knygotyros sampratos sistema, autorė tiria pagrindines mokslo apie knygą raidos tendenci-

jas Vakarų Europoje, pradedant XVI amžiumi. Analizuodama XVII–XVIII amžiaus knygotyrimų veikalus, autorė prieina prie išvados, kad G. E. Peignot mokslo apie knygą koncepcija buvo ankstesnių tyrimų sintezė, o jos kūrėjas galėjo pasinaudoti jau parengtais moksliniais kompleksais, suformuotais iki pasirodant jo garsiajam veikalui apie bibliologiją.

Įteikta 2010 m. vasario mėn.